

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

EDN: TUR YOW

Research article / Научная статья

Language representations and language attitudes in the Mishar dialect continuum

Svetlana A. MOSKVITCHEVA¹ , Alain VIAUT²
and Radif R. ZAMALETDINOV³

¹*RUDN University, Moscow, Russia*

²*Maison des sciences de l'homme de Bordeaux, Bordeaux, France*

³*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

 moskvitcheva@mail.ru

Abstract

To forecast the sociolinguistic dynamics of the language, to determine the level of its vitality and to provide adequate measures of language policy and planning, it seems important to analyze the structures of the symbolic components of the language situation, which include language representations and language attitudes, that is, social attitudes towards language. The article presents the results of the analysis of the main types of Tatar language representations and linguistic attitudes among speakers of the Mishar idiom of the Tatar language. The data were collected in the regions where the Mishary Tatars live, namely in the Middle Volga region and in Pricurie. The main research method was a semi-structured interview with subsequent analysis of the obtained data, its classification and interpretation. The paper proposes five clusters of language representations in the minority situation: representations related to the instrumental, symbolic and regulative functions of language, on the one hand, and representations related to the actualized identity structures and to the deontic attitudes of the individual, on the other. In connection with these classes of representations and taking into account language forms, language competences and language practices, a typology of language loyalty is proposed, which includes instrumental loyalty, symbolic loyalty, loyalty according to the forms of language used, loyalty according to language competences and prescriptive loyalty. The material analysis showed the prevalence of positive representations of the Mishar idiom among its speakers, the presence of active positive loyalty in oral spheres of communication at the local level, a high level of idiom preservation, and the integrative nature of sociolinguistic dynamics. At the same time, the situation should be regarded as diglossic both in relation to the Russian language and to the literary Tatar language, which is considered to be prestigious.

Keywords: *language representation, language attitudes, language situation, language functions, Tatar language, Mishar dialect continuum*

© Svetlana A. Moskvitcheva, Alain Viaut & Radif R. Zamaletdinov, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Moskvitcheva, Svetlana A., Alain Viaut & Radif R. Zamaletdinov. 2023. Language representations and language attitudes in the mishar dialect continuum. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 687–714. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме

С.А. МОСКВИЧЁВА¹ , А. ВИО² , Р.Р. ЗАМАЛЕТДИНОВ³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Дом наук о человеке Бордо, Бордо, Франция

³Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

 moskvitcheva@mail.ru

Аннотация

Для прогнозирования социолингвистической динамики языка, определения уровня его vitalности (жизнестойкости) и обеспечения адекватных мер языковой политики и планирования представляется важным анализ структур символических составляющих языковой ситуации, к которым принадлежат репрезентации языка и языковые аттитюды, то есть социальные установки по отношению к языку. В статье представлены результаты анализа основных типов репрезентаций татарского языка и языковых аттитюдов у носителей мишарского идиомы татарского языка. Исследование проводилось в районах проживания татар-мишарей на Средней Волге и в Присурье. Основным методом исследования стало полуструктурированное интервью с последующим анализом полученного корпуса, классификаций и интерпретацией данных. В статье предлагаются пять кластеров репрезентаций языка в миноритарной ситуации: репрезентации, связанные с инструментальной, символической и регулятивной функциями языка, с одной стороны, и репрезентации, связанные с актуализированными структурами идентичности и с деонтическим, с другой. В связи с данными классами репрезентаций и с учетом форм языка, языковых компетенций и языковых практик предлагается типология языковой лояльности, которая включает инструментальную лояльность, символическую лояльность и прескриптивную лояльность. Анализ материала показал преобладание положительных репрезентации мишарского идиомы у его носителей, наличие активной положительной лояльности в устных сферах коммуникации на локальном уровне, высокий уровень сохранности идиомы и интегративный характер социолингвистической динамики. Вместе с тем ситуацию следует рассматривать как диглосную как в отношении русского языка, так и в отношении литературного татарского языка, считающегося престижным.

Ключевые слова: репрезентация языка, языковые аттитюды, языковая ситуация, функции языка, татарский язык, мишарский диалектный континуум

Для цитирования:

Москвичёва С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 3. С. 687–714. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

1. Введение

В настоящей статье представлены результаты анализа структуры репрезентаций языка и языковых аттитюдов в мишарском диалектном континууме

татарского языка. Интерес к данной проблематике обусловлен важностью символического измерения языковой ситуации, в котором принадлежат репрезентации языка и языковые аттитюды, как для валидного описания языковых ситуаций, так и для прогнозирования социолингвистической динамики языка и выработки адекватных мер языковой политики и планирования. Эмпирическая часть исследования части татарского языкового континуума была проведена в рамках проекта «*Nomination des variétés de langue minoritaire et identification sociolinguistique, comparaison franco-russe (tatar vs occitan et basque)*»¹, поддержанного в 2019 и 2020 годах Центром франко-российских исследований, Домом наук о человеке Бордо и Российским университетом дружбы народов. А. Вио и С.А. Москвичевой в 2018–2020 годах были обследованы традиционные зоны компактного проживания татар-мишарей, кряшен и нагайбаков. Результаты анализа собранного материала с акцентом на специфику структуры номинаций (глоссонимов) вариантов татарского языка в компаративном аспекте будут опубликованы в виде главы книги (Moskvitcheva & Viaut 2023). В данной статье продолжен анализ полученных в ходе полевых исследований материалов в аспекте выявления типов и структур языковых аттитюдов и репрезентаций в мишарском диалектном континууме Средней Волги и Присурья. Преимущественно нас интересовали эндогенные типы репрезентаций и аттитюдов, то есть представления носителей мишарского диалекта о своем идиоме, о татарском языке в целом, и о литературной форме татарского языка, в частности. В статье термин «идиом» используется применительно как к мишарскому диалекту, в этом смысле «мишарский идиом» является синонимом «мишарского диалекта», так и к другим формам татарского языка, например, «стандартный идиом». Предпочтение термина «идиом» термину «диалект» обусловлено социолингвистическим, а не диалектологическим ракурсом исследования.

Интерес к татарскому языковому континууму и к мишарскому идиому, как его части, обусловлен рядом причин. С социолингвистической точки зрения татарский язык служит примером одной из наиболее сложных и интересных языковых конфигураций на территории Российской Федерации. Это обусловлено рядом факторов экстралингвистической и социолингвистической природы. К основным экстралингвистическим факторам относятся:

- во-первых, широкая география распространения татарского языка;
- во-вторых, долгий и сложный этногенез татар, в том числе существование нескольких периодов татарской государственности, что оказало большое влияние как на формирование татар как нации, так и на структуру татарской национальной и языковой идентичности;
- в-третьих, наличие собственной государственности в рамках Российской Федерации и, что достаточно типично в таких ситуациях, несовпадение

¹ «Номинации вариантов миноритарного язык и социолингвистическая идентичность в России и Франции: татарский и окситанский и баскский языки с сопоставительным аспекте».

лингвистических границ по государственно-административному образованию и по диалектному континууму (фактор границ по типу А и В) (Viaut 2012);

- в-четвертых, наличие высокой культуры, нескольких вариантов литературного языка, исторически долгой письменной традицией;
- в-пятых, история этнонима «татары» и номинации «татарский язык», которые долго фигурировали в качестве исторического названия групп народов и языков, и только со второй половины XIX–XX в. постепенно стали обозначать собственно татарскую нацию и татарский язык в современном понимании (фактор номинации).

Эти факторы, а также факторы, связанные с языковой политикой СССР и Российской Федерации, определяют сложность этноконфессиональной структуры татарской нации, вариативность идиомов и связанную с ней сложность структуры как собственно вариантов татарского языка, так и репрезентаций и аттитюдов по отношению к ним.

Не менее важна специфика структуры социолингвистических параметров татарского языкового континуума. К последней относятся двойная русско-татарская и татарско-татарская диглоссия (татарский литературный язык – центральный (казанский) идиом/мишарский идиом); асимметричный билингвизм; сложная динамика татарского континуума, где наблюдаются тенденции как к интеграции вариантов, так и к автономизации ряда идиомов; сложная структура лингвистических репрезентаций и аттитюдов, обусловленная наличием целого ряда форм татарского языка и различиями в символических лояльностях по отношению к религии, к разным татарским государственным образованиям (Булгарское царство, Золотая Орда, Казанское ханство), также твердым осознанием себя как автохтонного народа на своих территориях. Неоднозначна категоризация татарского языка как мажоритарного или как миноритарного языка. Если на территории Республики Татарстан татарский язык едва ли может считаться миноритарным, поскольку, наряду с русским языком, является государственным, обладает высоким статусом, широкими правами и возможностями, то в местах компактного проживания татар вне Республики Татарстан он оказывается в миноритарной ситуации.

Интерес к ситуации мишарских вариантов татарского языка Среднего Поволжья и Присурья (Нижегородская область, Республика Мордовия, Пензенская область) был обусловлен широкой географией их распространения, высоким демографическим, экономическим и культурным потенциалом, важной ролью в становлении современного татарского литературного языка. Преимущественное проживание носителей идиома вне Татарской Республики² в русскоязычном окружении, но вместе с тем поддержание тесных

² Носители западного (мишарского) диалекта проживают также на территории Республики Татарстан и Республики Башкирии. Однако динамика их идиома в данных регионах имеет иную специфику. В данном исследовании они не рассматривались.

контактов с Республикой Татарстан, создает особую социолингвистическую конфигурацию данного идиома и особую структуру его репрезентаций и аттитюдов.

2. Методология эмпирической части исследования

Основной этап эмпирической части исследования был проведен в Среднем Поволжье в октябре 2018 г. и марте, июле и октябре 2019 г. Исследование проводилось в Нижегородской и Пензенской областях, в республике Татарстан и Республике Мордовия. Были обследованы репрезентации носителей языка по ряду мишарских идиом: сергачские татары (Нижегородская область), лямбирские татары (Республика Мордовия), кузнецкие татары (Пензенская область). Основным методом исследования были серии интервью с носителями мишарского диалекта, которые проводились на русском языке.

Выбор районов обследования был обусловлен демографической, экономической и исторической значимостью данных региональных групп татар-мишарей, а также их высокой культурной самобытностью. Особенно это касается сергачских татар, чья история постоянного проживания на землях современной Нижегородской области восходит, по-видимому, к XV в. и лямбирских татар, компактное проживание которых на территории Лямбирского района Республики Мордовия делает эту группу консолидированной, экономически активной и самобытной в плане культуры и структуры идентичности. С исторической точки зрения лямбирские татары (как и кузнецкие татары Пензенской области) представляют собой группу, отделившуюся в XVII в. темниковских татар, чье историческое значение было очень высоко.

Выбор конкретного села/деревни был обусловлен, в первую очередь, историей его основания как татарского (мишарского) населенного пункта.

Всего было проведено 21 интервью средней продолжительностью 60 минут:

- 3 в Нижегородской области (сергачские татары);
- 12 в Республике Мордовия (лямбирские татары);
- 6 в Пензенской области).

В ряде интервью принимало участие несколько респондентов. В примерах в целях соблюдения исследовательской этики каждый респондент кодировался буквой Р и цифрой. Например, Р1 – респондент 1, Р2 – респондент 2 и т.д.

При планировании дизайна интервью были подготовлены три блока вопросов.

Первый блок был нацелен на выявление возможных корреляции между этнической и лингвистической идентичностями, на выяснение основных факторов формирования языковой и этнической лояльности, а также на анализ иерархии идентичностей и их структур, в частности, отношений между локальной и общетатарской языковой идентичностью. Отдельно задавались вопросы о потребности в татарском языке. В целом, это позволило делать

выводы о репрезентации и типах лояльности по отношению к языку и к его локальным вариантам, а также концептуализировать понятие «родного языка».

Второй блок вопросов был обращен к языковым практикам, нацелен на выяснение ситуаций и условий использования стандартного и локальных вариантов татарского языка, факта межпоколенной передачи языка, места языка в системе образования. Здесь же был ряд вопросов, касающихся представлений респондентов о языковой политике и планировании.

Третий блок вопросов касался собственно вариативности татарской диасистемы, представлений респондентов о количестве идиом, отношений между различными вариантами татарского языка, лингвистической дистанции и взаимопонимания между вариантами языка, представлений о норме и престижности идиомов.

Таким образом, вопросы интервью затрагивали четыре основные измерения языковой ситуации: формы языка, языковые компетенции, реальные языковые практики и символическое измерение.

Транскрибированные тексты интервью составили основной исследовательский корпус, который был подвергнут кодированию в соответствии с кластерами значимых репрезентаций, приведенных в Таблице 1 и типами лояльностей, приведенными в Таблице 2.

Целевой аудиторией при проведении исследования были представители общественных организаций и культурных автономий татар-мишарей, редакции местных газет на татарском языке, муллы, деятели культуры, связанные с национальным искусством, директора школ и школьные учителя татарского языка и литературы, представители бизнес-структур, рядовые носители языка. По причинам этического порядка все интервью закодированы. Кодировка имеет следующее обозначение:

- И1 – интервью № 1 (цифра означает порядковый номер интервью в нашем корпусе);
- М – мужской пол;
- Ж – женский пол;
- I, II, III – римская цифра означает возрастную когорту: I – от 20 до 35 лет, II – от 36 до 55 лет, III – более 56 лет;
- М – мордовские мишари (лямбирские татары);
- П – пензенские мишари (кузнецкие татары);
- НН – нижегородские мишари (сергачские татары);
- 2018 – год полевых исследований;
- март – месяц проведения исследований.

Например, шифр И4МII-M2019окт означает: интервью 4, мужчина, возраст от 36 до 55 лет, Мордовия, октябрь 2019 г.

3. Теоретические основы исследования

Прежде всего необходимо обосновать и определить наше понимание основных понятий, которые составляют теоретический каркас данного исследования: диглоссия, репрезентации языка, языковые аттитюды и языковая лояльность, как один из основных типов языковых аттитюдов.

Диглоссия поднимется в соответствие с общепринятым и, ставшем классическим, определением Дж. Фишмана 1967 года. Дж. Фишман пересмотрел и дополнил известное определение диглоссии, данное Ч. Фергюсоном в 1959 году. Ч. Фергюсон обратил внимание на существование особых социолингвистических ситуаций, в которых сосуществуют варианты одного языка, но лингвистически достаточно удаленные и четко осознаваемые как отдельные варианты, с ясно распределенными функциями внутри языкового сообщества. Один вариант получил название высокого (High), второй низкого (Low). К таким ситуациям относилось использование арабского классического и диалектов арабского языка, стандартный немецкий и диалекты немецкого языка в Швейцарии, французский и креольский на базе французского на Гаити и высокий вариант греческого (кафаревуса) и демотика. Анализируя ряд языковых ситуаций в связи с билингвальными практиками, Дж. Фишман предложил распространить понятие диглоссии на ситуации языковых контактов любых языков, а не только вариантов одного языка. Там же было предложено закрепить за термином «диглоссия» социальное измерение языковых ситуаций, в которых отмечается дополнительное функциональное распределение используемых идиомов, а за термином «билингвизм» – индивидуальное. Ближкое определение диглоссии дает Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС 1990: 136).

Все исследованные нами языковые ситуации мишарского диалектного континуума являются мультязычными и полигlossными, поскольку помимо вариантов татарского языка там присутствует русский язык и, как правило, ряд других языков, например, разные варианты мордовского. Вместе с тем, для нашего исследования наиболее релевантными представляются отношения по типу диглоссии между русским и татарским языком и между татарским литературным (стандартным) и мишарским диалектом. В этой связи было бы возможно использование термина «тригlossия». Однако мы предпочитаем термин «дигlossия» поскольку, во-первых, на каждой обследуемой территории количество контактирующих языков или форм языков может быть разным, в том числе и более трех, а, во-вторых, термин «дигlossия», в отличие от «полигlossии» является более прозрачным с точки зрения его дефиниции. «Дигlossия» в первую очередь акцентирует внимание на ситуации дополнительного и неравного функционального распределения языков в социальном пространстве. Термин полигlossия менее привычен и более размыт. Семантика термина «двуязычие» еще более неопределенная, поскольку, фактически, включает в себя объемы понятия и социально и индивидуального билингвизма и дигlossии.

Двумя другими теоретическими конструктами в нашем исследовании являются репрезентаций языка (*language representations/représentation linguistique*) и языковые аттитюды (*language attitudes*). Уточним, что, в качестве термина, мы используем исключительно «репрезентации языка». «Представления о языке» и «образ языка» используются в близком значении, но не в строго терминологическом смысле.

В современной социолингвистике исследование языковых аттитюдов и репрезентаций языка представляет собой одну из ключевых и приоритетных областей, поскольку анализ вариативности языковых систем и динамики языковых ситуаций не может ограничиться изучением исключительно реальных языковых практик. Термин «репрезентация» был заимствован социолингвистикой из социологии и социальной психологии, куда, в свою очередь он пришел из философии. В этих дисциплинах «репрезентации» означают формы обыденного, ненаучного, социально разделяемого знания, которое служит основой понимания и концептуализации окружающей действительности для всех членов социально, культурного или языкового сообщества (Jodelet 1993).

Впервые данный термин был использован в 1895 году французским социологом Э. Дюркгеймом, который ввел понятие «коллективные представления» (*représentation collectives*), включавшие различные формы общественного сознания (мифы, легенды, традиционные верования, религию, науку и др.), различные знания и мнения. В 60-е годы к репрезентациям обращается С. Московиси (Moscovici 1992, 2003). Он существенно перерабатывает данное понятие, делает его операциональным и строит вокруг него (в формулировке «социальные представления» (*représentations sociales*)) теорию социальных представлений. Теория С. Московиси основана на «эпистемологии, которая приносит в центр внимания динамическую зависимость между культурно разделенными формами мышления, их передачей через коммуникацию и трансформацией посредством активности индивидов и групп. Эти феномены имеют двоякую направленность: с одной стороны, они коренятся в культуре, языке и истории, что отражает тенденцию к *стабильности*; с другой стороны – связаны с социальными, политическими и экономическими изменениями, характерными для групп, выработавших представления, что отражает тенденцию к *изменению*» (Бовина 2010: 7).

В социолингвистике интерес к исследованию репрезентаций языка (*language representations/représentations linguistiques*) связан с интересом к языковым идеологиям и языковому воображаемому в целом (Houbedine 2015). Репрезентации языка оказываются одним из центральных концептов в когнитивных антропоцентричных парадигмах социолингвистики и в исследованиях, связанных с изучением лингвистической идентичности. Анализ структуры репрезентаций языка продуктивен при исследовании как монолингвизма, так и мультилингвизма. В ситуациях монолингвизма исследователя могут интересовать репрезентации, возникающие у носителей идиома относительно стандартной формы языка и его диалектов, различных

стилистических регистров, устных и письменных форм языка. В фокусе анализа могут быть и репрезентации, связанные с восприятием и оценкой вариативных единиц на разных уровнях языковой структуры. Не менее продуктивен подход с точки зрения репрезентаций и в ситуациях мультилингвизма, при изучении ситуаций языковых контактов. Здесь могут представлять интерес репрезентации, связанные со структурными и иными особенностями контактирующих языков, с переключения кода, с восприятием миноритарного и мажоритарного языка и/или их форм в целом. Именно с последним аспектом связано настоящее исследование, в центре проблематики которого находятся представления о разных аспектах бытия, функционирования, перспектив сохране мишарского диалекта татарского языка, а также его места в татарском языковом континууме в целом, и по отношению к литературному татарскому языку, в частности.

Направление в социолингвистике, связанное с изучение репрезентаций, не следует смешивать ни с так называемой «народной» лингвистикой, ни с «языковыми стереотипами». «Народная» лингвистика – это «свойственное наивному сознанию представление о естественно-необходимом характере его родной речи» (Шор 2009: 32). Репрезентации языка опираются на обыденные, но далеко не всегда на «наивные» формы знания и концептуализации действительности. Так, «лингвист прекрасно понимает все технические сложности, связанные с французской графикой, но в то ж время он может, по причинам, связанным с идентичностью, иметь положительные репрезентации традиционной орфографии³» (Gueunier 1997: 247). Языковые стереотипы – это один из видов репрезентаций. В отличие от языковых стереотипов репрезентации языка не столь очевидны. Изучение репрезентаций языка идейно и методологически близко к сопоставительным исследований культур и идентичностей. Получение списка репрезентаций языка, которые, как правило, тесно связаны со структурами идентичности (этнической, религиозной, культурной и др.) требует работы с различными типами эпилингвистического дискурса, наиболее удобными из которых являются неструктурированные или полуструктурированные интервью (Calvet & Dumont 1999, Lafontaine 1997, Maurer & Desrousseaux 2013).

Языковые аттитюды – понятие близкое к репрезентациям языка. Более того, долгое время в социолингвистике эти два понятия до конца не разводились и употреблялись во многом параллельно. Возможно, одной из причин такого смешения, были методологические трудности, связанные с выявлением аттитюдов. «Исследователи в области социальной психологии использовали техники сбора данных, которые сам по себе были обращены к репрезентациям. Например, чтобы разработать дескриптивную сетку аттитюдов по отношению к тому или иному варианту, использовался метод семантического

³ « *Ainsi, un linguiste parfaitement au courant des lourdes difficultés techniques, liées à la graphie de française peut en même temps garder, pour des raisons identitaires, des représentations tout à fait favorable à l'orthographe traditionnelle* » – перевод С. А. Москвичева.

дифференциала, социологические или психологические опросники. Однако, на деле здесь речь идет об экспериментальных методах получения репрезентаций» (Gueunier 1997: 248).

Современная социолингвистика трактует репрезентации языка как феномены более статические, и менее ориентированные на действия и поведение носителей идиома. Языковые аттитюды, наоборот, характеризуются динамическим, волевым компонентом. Классической репрезентацией считается понятие языкового престижа.

Классическим и наиболее разработанным в теоретическом плане аттитюдом является языковая лояльность (*language loyalty*). Термин был введен в 1953 году У. Вайнрайхом и далее широко использовался в работах по социолингвистике. Наше понимание языковой лояльности близко к определению этого понятия, данному в статье А. Никулеску, которую он подготовил для авторитетного двухтомного издания «Языковые контакты» (*Kontaktlinguistik. Contact Linguistics. Linguistique de contact* 1996). Под языковой лояльностью понимается сознательная поддержка и использование родного языка в ситуации языковых контактов, прежде всего в билингвальных и диглоссных ситуациях. В большинстве работ, посвященных языковой лояльности, речь идет о миноритарных языках и языках в миноритарной ситуации, но языковая лояльность может быть характерна и для мажоритарных языков и ситуаций монолингвизма. В последнем случае речь, как правило, идет о лояльностях, связанных с языковым пуризмом. Языковая лояльность тесно связана с параметрами этнической и социальной идентичности: историческая память, осознанные коллективные практики, религия, культура относятся к факторам благоприятным для появления языковой лояльности (Niculescu 1996: 715–720). В то же время языковое сообщество может существовать и без осознанной необходимости поддерживать и защищать свой язык, что получило название пассивной лояльности. Также могут быть ситуации негативной лояльности, связанные с неприятием своего языка вплоть до его полного отвержения (Garabato & Colonna 2016). Помимо языковой лояльности существуют и другие типы аттитюдов, например, У. Лабов, ввел и разрабатывал понятия языковой неуверенности (*linguistic insecurity*) и гиперкоррекции (*hypercorrection*), которые также по своей природе являются языковыми аттитюдами (Francard 1993).

В теоретическом плане исследование также опирается на комплексное понимание языковой ситуации как совокупности лингвистического, инструментального и символического изменений, которое схематично представлено ниже (рис. 1).

Центральным компонентом языковой ситуации являются языковые практики, связанные с использованием языка в инструментальной функции. Лингвистическое измерение языковой ситуации включает как существующие в той или иной языковой ситуации формы идиомов, так и языковые компетенции носителей языка. В фокусе нашего исследования оказались следующие

формы языка: татарский литературный язык, мишарский идиом (западный диалект) и в меньшей степени казанский идиом (центральный диалект). Что же касается языковых компетенций, то основной вопрос в миноритарных ситуациях возникает относительно использования письменных форм языка, следовательно речь идет, например, о представлениях носителей идиома относительно нужности/ненужности, полезности/бесполезности владения этими формами. Наконец, блок репрезентаций языка, языковых аттитюдов и потребности в языке представляет символическое измерение языковой ситуации. Еще раз подчеркнем, что репрезентации языка социальны по своей природе и являются формами обыденного, но далеко не всегда наивного знания. Одни и те же репрезентации могут вызывать разные оценки и реакции у разных респондентов – носителей того или иного идиома, что находит выражение в разных аттитюдах по отношению к составляющим языковой ситуации. Например, репрезентации, связанные с отсутствием собственных письменных форм в идиоме, могут привести к росту лояльности к устным формам, что характерно для мишарского идиома (примером, также может служить совершенно иная по другим параметрам, но в этом плане похожая ситуация швейцарского немецкого), или же, наоборот, к отказу от данного варианта языка и переходу на более престижный вариант. Именно аттитюды придают динамику языковой ситуации и задают вектор ее развития.

Рис. 1. Структура языковой ситуации (рис. С.А. Москвичевой) /
Fig. 1. Structure of language situation (by Svetlana A. Moskvitcheva)

Важным компонентом языковой ситуации является понятие потребности в языке. В данной статье мы не ставим задачу определения данного понятия, но опустить его при описании структуры языков ситуации было бы не верно, поскольку именно структура потребностей в языке определяет структуру репрезентаций языка и языковых аттитюдов. При определении потребности в

языке мы опираемся на концепции как бихевиоризма, так и на когнитивную парадигму психологии (Deci & Ryan 1985, 2002) и синтезирующие концепции А.Н. Леонтьева (Леонтьев 2009) и Д.А. Леонтьева (Леонтьев 2016). Подробно наше понимание понятия «потребности в языке» дано в работе (Москвичева & Сафина 2018, Moskvitcheva & Viaut 2021). Здесь кратко перечислим типы потребностей личности в рамках одного из направлений когнитивной парадигмы в психологии, поскольку дальше мы используем именно эту терминологию. В работах Э.Л. Деси и Р.М. Райна потребность в компетенции связана с эффективным реагированием на запросы среды, потребность в социальной близости – с осуществлением контактов с близкими людьми, потребность в автономии – с возможностью действовать в соответствие со своими интересами и ценностями (Deci & Ryan 1985, 2002).

Итак, понимание языковой ситуации как сложного трехмерного комплекса, а также введение в символическое поле языковой ситуации конструкта потребности в языке, позволило рассматривать в единстве функционирование языка в социальном пространстве в зависимости от установок и потребностей личности. При таком подходе появилась возможность распределить репрезентации языка в пять кластеров, два из которых в большей степени ориентированы на носителя языка и его внутренние потребности, а три на сам язык и его функционирование в обществе. Представленный на Рисунке 2 инструмент анализа, на наш взгляд, является универсальным и может быть использован как для дескриптивных, так и для сопоставительных исследований любых языковых ситуаций. Однако, набор релевантных репрезентаций для той или иной языковой ситуации будет разным.

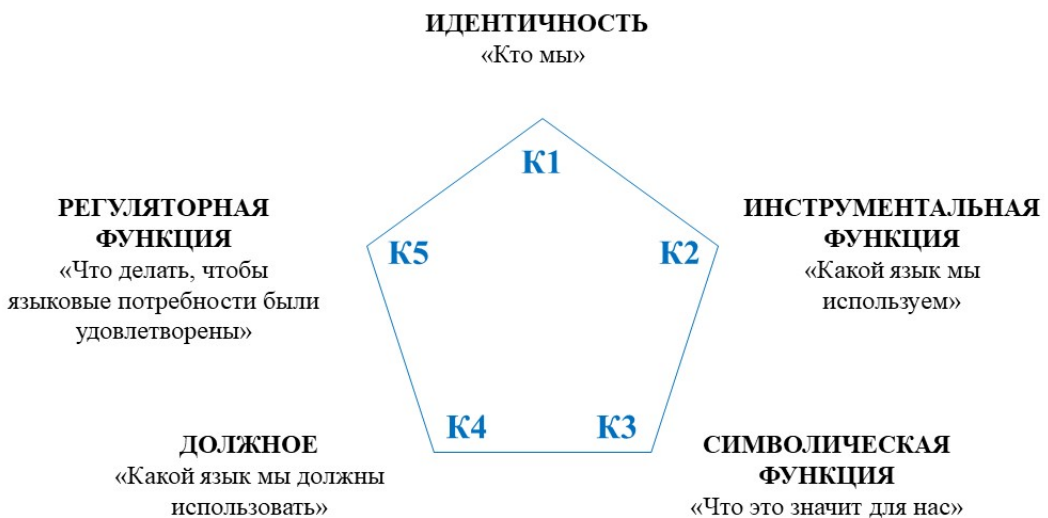

Рис. 2. Основные кластеры репрезентаций в зависимости от функций языка в социуме, структуры идентичности и потребности личности (Рис. – С.А. Москвичева) /

Fig. 2. Main clusters of representations depending on the function of language in society, identity structure and individual need (Figure by Svetlana A. Moskvitcheva)

Ниже в таблице 1 приведены наиболее значимые репрезентации, распределенные по пяти выделенным кластерам. Кластер репрезентаций, связанных с инструментальной (К2) и символической функцией (К3) в таблице расположены вместе, так как репрезентации, связанные с фактическим использованием языка, как инструмента коммуникации (К2), и репрезентации символического использования языка, как маркера этической/культурной/религиозной или иной идентичности (К3), связаны с использованием языка в одних и тех же доменах.

Таблица 1. Кластеры значимых репрезентаций в татарском языковом континууме

Кластеры репрезентаций	Репрезентации
Кластер 1 – Идентичность (К1) «Кто мы»	Факторы: – этничность – территория/ автохтонность – истории/памяти – традиций государственности/ государственность – религия – традиционная/высокая культура – социальная группа
Кластер 2 – Инструментальная функция (К2) «Какой язык мы используем» Кластер 3 – Символическая функция (К3) «Что это значит для нас»	Домены использования: – в ситуациях повседневного семейного общения; – в ситуациях анонимного общения разного уровня; – язык в образовании – язык в народной/высокой культуре – язык и религия
Кластер 4 – Должное (К4) «Какой язык мы должны использовать»	Формы языка и домены их использования: – литературный язык – казанский вариант – мишарский вариант
Кластер 5 – Регуляторная функция: Языковая политика (К5) «Что делать, что бы языковые потребности были удовлетворены»	Меры и цели воздействия на язык: – языковые идеологии, транслируемые через официальный дискурс и дискурсы акторов языковой политики – вектор нормализации – вектор ревитализации – вектор социолингвистической дивергенции и автономизации идиома – вектор социолингвистической конвергенции

Table 1. Clusters of meaningful representations in the Tatar language continuum

Clusters of representations	Representations
Cluster 1 – Identity (C1) «Who we are»	Factors: – ethnicity – territory/autochthony – history/memory – traditions of statehood/ nationhood – religion – traditional/high culture – social group

<p>Cluster 2 – Instrumental function (C2) «What language do we use»</p> <p>Cluster 3 – Symbolic function (C3) «What it means to us»</p>	<p>Domains of use:</p> <ul style="list-style-type: none"> – in everyday family communication situations; – in anonymous communication situations at different levels; – language in education – language in popular/high culture – language and religion
<p>Cluster 4 – Function of oughtness (C4) «What language should we use»</p>	<p>Forms of language and the domains of their use:</p> <ul style="list-style-type: none"> – literary language – Kazan variant – Mishar version
<p>Cluster 5 – Regulatory function: Language policy (C5) «What to do to ensure that language needs are met»</p>	<p>Measures and objectives for language impact:</p> <ul style="list-style-type: none"> – linguistic ideologies transmitted through official discourse and the discourses of language policy actors – normalisation vector – the vector of revitalisation – vector of sociolinguistic divergence and idiom autonomy – vector of sociolinguistic convergence

Итак, мы получили инструмент кодирования текстов интервью с целью выявления и последующего анализа репрезентаций, который был применен к текстам интервью в мишарском языковом континууме.

Далее перейдем к описанию инструментов анализа типов языковых установок валидных для исследуемого континуума. Еще раз напомним, что среди установок ведущая роль безусловно принадлежит лингвистической лояльности, на структуре и параметрах которой мы остановимся более подробно. Вместе с тем, нельзя не отметить, что важную роль в исследуемой языковой ситуации играют такие установки как языковая неуверенность и лингвистическая фрустрация, которые в силу ограниченности места здесь специально не анализировались. Представляет интерес и такой подтип лояльности как сознательная/спонтанная передача языка младшему поколению и в целом всем желающим выучить язык, однако, он также затрагивается лишь в связи с обсуждаемыми типами языковой лояльности.

Мы предлагаем выделить типы лояльности с опорой на три составляющих языковой ситуации: лояльность по отношению к языковым практикам, языковым компетенциям и формам языка. Поскольку языковые лояльности и репрезентации языка тесно связаны, учет последних также необходим.

На первом этапе для определения типов лояльности мы использовали подход, предложенный в работе (Ciscar et al. 2002), где за основу взята инструментальная функция языка, и типология лояльностей выстраивается в зависимости от доменов использования языка и языковой компетенций (владение/использование) устной и письменной формами речи. Авторы предлагают различать инструментальную лояльность L1, связанную с использованием языка в ситуациях домашнего, семейного общения, инструментальную лояльность L2, связанную с ситуациями анонимной коммуникации, инструментальную лояльность L3, связанную использованием письменной формы

языка, и эвалюативную лояльность L4. В целом, данный подход к типам лояльностей является релевантным и продуктивным. Однако специфика исследуемой ситуации, в частности наличие функционально развитого литературного языка, особое положение центрального (казанского) диалекта, значимая роль религии в процессах языковой идентификации и автономизации, требуют уточнения схемы, предложенной (Ciscar et. al. 2002) и адаптации ее к исследуемой ситуации.

Мы предлагаем выделить пять основных типов лояльности, коррелирующих с основными составляющими языковой ситуации:

- лояльность по формам языка (L-Form);
- лояльность по компетенциям (L-Comp);
- инструментальную лояльность (L-Inst);
- символическую лояльность (L-Sym);
- прескриптивную лояльность (L-Pres).

Каждая лояльность может иметь свои подтипы. Любые типы лояльности могут быть активными/пассивными, осознанными/неосознанными, волевыми/спонтанными, положительными/отрицательными. Общая структура языковой лояльности представлена в табл. 2. Как представляется, данный инструмент исследования также имеет универсальный характер и, в целом, может быть применен к любой социолингвистической ситуации. Однако, он достаточно чувствителен к набору релевантных репрезентаций языка (рис. 2) и работает только после их установления.

Таблица 2. Типы лояльностей и их соотношение со структурой языковой

Тип лояльности	Характеристика лояльности	Соотношение со структурой языковой ситуации	Соотношение с потребностями личности
Лояльность по формам языка (L-Form)			
L-Form1	Литературный/стандартный язык	Формы языка	Потребность в компетенции
L-Form-2	Диалект		
Лояльность			
Лояльность по компетенциям			
L-Comp1	Устные компетенции	Языковые (речевые) компетенции	Потребность в компетенции и автономии
L-Comp-2	Письменные компетенции		
Инструментальная (L-Ins)			
Инструментальная 1 (L-Ins1)	Семейное общение	Языковые практики (домены+ форма языка)	Потребность в компетенции и социальной близости
Инструментальная 2 (L-Ins2)	Анонимное повседневное общение		
Инструментальная 2a (L-Ins2a)	Коммуникация в доменах религия, образование, культура		
Инструментальная 3 (L-Ins3)	Письменная коммуникация		

Символическая (L-Sym)			
Эстетизирующая (L-Sym-Aesth)	Красота языка	Формы языка	Потребность в социальной близости и автономия
Аффективная (L-Sym-Af)	Любовь к идиому		
Историческая (L-Sym-His)	Древность и автохтонность, слава предков		
Прескриптивная (L-Pres)	Ценность/верность нормам и традициям	Формы языка домены	Потребность в автономии

Table 2. Loyalty types and their correlation with linguistic structure

Type of loyalty	Characteristics of loyalty	Relation to the structure of the linguistic situation	Relation to the needs of the individual
Loyalty by forms of language (L-Form)			
L-Form1	Literary/standard language	Forms of language	Need for competence
L-Form-2	Dialect		
Loyalty			
Loyalty by competence			
L-Comp1	Verbal competence	Language (speech) competences	Need for competence and autonomy
L-Comp-2	Writing competences		
Instrumental loyalty (L-Ins)			
Instrumental 1 (L-Ins1)	Family communication	Language practices (domains+ form of language)	Need for competence and social proximity
Instrumental 2 (L-Ins2)	Anonymous daily communication		
Instrumental 2a (L-Ins2a)	Communication in the domains of religion, education, culture		
Instrumental 3 (L-Ins3)	Written communication		
Symbolic loyalty (L-Sym)			
Aestheticising (L-Sym-Aesth)	The beauty of language	Forms of language	Need for social closeness and autonomy
Affective (L-Sym-Af)	Love of the idiom		
Historical (L-Sym-His)	Antiquity and autochthonousness, the glory of the ancestors		
Prescriptive (L-Pres)	Values/faithfulness to norms and traditions	Forms of language domains	Need for autonomy

4. Анализ репрезентаций и аттитюдов в отношении мишарского идиома татарского языка

Перейдем к представлению результатов анализа репрезентаций и аттитюдов татарского языкового континуума Средней Волги и Присурья на примере мишарского языкового континуума. Прежде всего нужно установить наличие и использование этнонимов «татары» и «мишари», равно как и глоссонимов «татарский» и «мишарский».

4.1. Репрезентации, связанные с номинации «татарский/мишарский» в мишарском языковом континууме

Носители мишарского идиома во время интервью спонтанно называют свой вариант «татарский язык», редко – «мишарский» (практически всегда без добавления слова язык и преимущественно в глагольной конструкции говорить по-мишарски), еще реже «язык матери», «язык семьи», «свой язык». На просьбы уточнить, на каком языке они говорят, без колебаний называют его татарским языком, а себя называют татарами, как ниже (1).

(1)

AB: А если вернуться к названию языка, то как вы его называете?

P2: Татарским. Только татарским языком. Мы пишем на татарском языке, разговариваем на татарском языке. Не говорим, что разговариваем на мишарском. Есть диалект, мишарский диалект есть, но язык – это татарский. Общепринятый татарский язык. (ИЗМП-НН2018-окт)

Также респонденты совершенно определенно и без малейших колебаний или сомнений определяют себя как татар. Тем не менее, этноним «мишари» и глоссоним «мишарский» понятны и привычны для респондентов. Они широко используются. Судя по материалам интервью, «мишари» и «мишарский» стали активно проникать в среду носителей языка относительно недавно, в 70–80 гг. XX в., а широкое распространение получили в эпоху Перестройки и связанной с ней этнической и языковой мобилизацией (2).

(2)

P3: Вот в деревнях, в обиходе слово «мишар» не используется. Татар есть татар. Вот, понимаете, для отличия... для различия от казанских.. Используют сергачский мишар. Сергачские мишари. Сергачские татары.

CM: То есть, слово «мишар» появилось в Перестройку?

P2: Нет, оно раньше было! Испокон веков было! Просто после перестройки больше использоваться стало. (И1МП-ЖП - НН2018-окт)

4.2. Конфигурации лояльностей в мишарском континууме

Выше говорилось, что по своей природе репрезентации представляют собой статичные образы того или иного социального явления. В нашем случае – мишарского языкового континуума. Языковые аттитюды, к которым относятся и языковая лояльность, напротив, динамичны. Именно они определяют фактическое отношение к языку. Например, образ языка может быть положительным, но одновременно, его носители не хотят или же равнодушно относятся к его передаче младшему поколению. В таком случае лояльность будет отрицательной. Подобные ситуации достаточно типичны для миноритарных

языков. Вообще, рассматривать репрезентации языка в отрыве от аттитюдов представляется непродуктивным.

Еще один комментарий, прежде чем перейти, собственно, к анализу репрезентаций и лояльностей в мишарском континууме. Существуют два основных фактора, которые лежат в основе репрезентаций и аттитюдов языков в миноритарной ситуации. Во-первых, это этническая (в некоторых случаях ведущей может оказаться религиозная, культурная или социальная идентичности). И, во-вторых, это диглоссия. Последняя, как правило тяжело переживается носителями функционально подчиненного идиома и влечет целый ряд негативных репрезентаций и аттитюдов вплоть до языкового самонеприятия и фрустрации от отсутствия языка (Boyer 2021: 302).

В связи со сказанным репрезентации целесообразно представить в виде двух больших групп: первая группа связана с ситуацией диглоссии, в нашем случае как русско-татарской, так и татарско-татарской, вторая – с параметрами этнической и языковой идентичности носителей мишарского идиома. Представленный ниже анализ лояльностей эксплицитно или имплицитно учитывает эти две группы репрезентаций. В этой перспективе наиболее интересные и оригинальные результаты дает анализ типов символической лояльности.

4.2.1. Символическая лояльность

Наш материал подтверждает существование тесных связей между символической лояльностью и структурой этнической и языковой идентичности. Анализ данных интервью показал, что наиболее значимыми типами символической лояльности в мишарском континууме применительно к мишарскому идиому являются эстетический (L-Sym-Aesth), аффективный (L-Sym-Af) и исторический (L-Sym-His) типы лояльности.

4.2.1.1. Эстетический и аффективный типы символической лояльности и ситуация диглоссии

Данные типы представляют собой классические типы лояльности к миноритарным языкам в ситуации диглоссии. Особенность нашей ситуации состоит в том, что указанные типы лояльности преимущественно находятся в поле татарско-татарской диглоссии, где сравниваются даже не татарский литературный (который безусловно считается «своим») и местный мишарский, а казанский (средний диалект) и мишарский (западный диалект) идиомы. Дополнительную специфику татарско-татарской диглоссии часто придает контаминация репрезентаций литературного татарского языка и казанского идиома. Без такой контаминации ситуация «литературный татарский – мишарский» была бы устойчивой и бесконфликтной.

Литературный татарский язык, особенно в его письменных обработанных формах (литература как таковая, язык газеты и т.д.) носителями

мишарского идиома органично и безусловно считается абсолютно «своим» татарским языком, частью которого является и мишарский идиом, существующий только в устной форме и в доменах обыденной коммуникации. Для носителей мишарского идиома литературный татарский и мишарский – это безусловно один язык, а не два. Четкости и ясности данного восприятия респондентов способствовало в том числе изучение татарского литературного языка в школе. С изучением языка в школе связаны осознанные и осознаваемые представления о степени различий между литературным и местным вариантами языка, которые воспринимаются как незначительные, нормальные и касаются в основном фонетики и части лексики.

Сложнее репрезентации среднего (казанского) диалекта татарского языка. Это, безусловно, престижный идиом.

Во-первых, на его фонетические нормы опирается литературный вариант.

Во-вторых, в зоне его распространения находится центр современной татарской культуры (г. Казань).

В-третьих, его зону можно рассматривать как древнейший центр татарской государственности.

Центральное положение и престиж Казани как центра татарской культуры приводит к наложению и смешению понятия «татарский литературный язык» и «средний (казанский) диалект», которые иногда выступают под общей номинацией «чистый татарский». Однако это смешение, как правило, относится к устным, а не письменным формам языка, и характерно для носителей языка, профессионально далеких от сферы лингвистики или гуманитарного знания.

Носителями оценивается красота, мягкость, мелодичность казанского и «грубость» местного мишарского диалекта. В то же время различия между двумя идиомами воспринимаются как не очень значительные и связанные, в первую очередь, с особенностями произношения. Местный мишарский идиом характеризуется как «цокающий»⁴, как «более грубый». О казанском варианте говорят, что он «более мягкий какой-то, мелодичное звучание», «красивый язык» (Примеры 3–5).

(3)

РЗ: А я бы вот слушала и слушала, когда говорят на чисто татарском языке... Красивый, красивый язык. Для меня это удовольствие! (И1ЖП-НН2018-окт)

Несмотря на репрезентации казанского варианта как «красивого» аффективная лояльность твердо связана с местным вариантом языка. В своем регионе, «дома» переход на казанское произношение не просто не считается необходимым, а является нежелательным, поскольку местный вариант связан

⁴ Имеется в виду, что на месте палатального звука «ч» среднего диалекта, в западных диалектах произносится «ц».

с детством, семьей, близкими, а также опирается на сильную региональную идентичность и ее позитивную оценку:

(4)

P1: *Смешно было. Если бы кто-нибудь среди нас попытался бы говорить на литературном языке, на казанском – это жесткие насмешки и издевательства были бы... Однозначно!* (И09МП-М2019-окт)

Интересный факт: существует устойчивая репрезентация, что татары-мишари лучше понимают казанских татар, чем последние мишарей.

(5)

P4: *Вот есть еще и такие случаи. Когда мы говорим на своем мишарском, цокаем, нас еще казанские и не понимают. (Все участники: Да, ... не понимают...). Поэтому приходится с ними разговаривать на русском, объясняться.* (И03МП-НН2019-окт)

Это можно объяснить тем, что в школах в зонах проживания мишарей преподают татарский литературный язык, который по фонетическим и лексическим нормам близок к казанскому идиому. Казанские же татары не изучают особенности мишарских говоров. Однако нельзя полностью исключить и репрезентации, связанные с более высоким престижем казанского идиома, что проявляется в том числе в чувстве языковой неуверенности, неоднократно отмеченном в ходе анализа интервью (6).

(6)

P1: *Нет, первое время вот мы стеснялись говорить... Вот в Казань ездили, говорить стеснялись.*

P2: *Потому что смеялись.*

P1: *Да. Потому что сразу видно: татары, но не совсем татарские. А сейчас вот ездим, никто над нами не смеется. Они нас поддерживают. И мы себя свободно чувствуем там.* (И52ЖШ-М2019-окт)

4.2.1.2. Эвалюативная историческая лояльность (L_Sym_his) и историческая идентичность: престиж мишарского идиома

В исследуемом регионе репрезентации, связанные с историческим и культурным прошлым носителей идиома, являются чрезвычайно важными, если не определяющими в структуре этнической идентичности. Они проецируются на лингвистическую идентичность, создавая условия для репрезентации престижа мишарской идентичности и верности мишарскому варианту татарского языка. В структуру исторической лояльности входят репрезентации, связанные с автохтонностью народа, с древностью проживания на этой, «своей» земле: если татарский народ и пришел сюда, то «пришел очень, очень давно». Причем речь идет не столько об оспаривании права на «эту» землю с русским населением, сколько о ценности, значимости и самостоятельности

истории татар-мишарей в отношении казанских татар, важности их вклада в общую культуру – Пример 7.

(7)

РЗ: Но ведь мы же ОТСЮДА! Мы же не оттуда [не из Казани] пришли! Мы здесь были! Мы коренной народ!!! Понимаете... дело-то в том, что мы коренной народ... Мы отсюда. (И1ЖИМII-M2019-окт)

Именно осознание своей автохтонности, своей самобытности приводит к пониманию особенности и значимости своего идиома, его легитимности, делает трудным, если не невозможным переход на казанский вариант в повседневной коммуникации. Мишарский идиом – это не «испорченный» казанский, а равнозначная неотъемлемая часть татарского континуума.

Вторым важным компонентом в структуре исторической идентичности является осознанная лояльность к разным государственным образованиям у мишарей и казанских татар. Для последних часто – это древний Булгар (VIII–XIII вв.), первое исламское государство в Среднем Поволжье, завоеванное монголо-татарами, и Казанское ханство (1438–1552 гг.), включенное в состав Московского княжества. Мишари в спонтанном, иногда «наивном» дискурсе связывают свою государственность с Золотой ордой и позже с Московским княжеством, на службе у которого они состояли как служилые татары, занятые преимущественно на военной службе по охране границ государства – Пример 8.

(8)

Р1: Вот смотрите, в 52 году... В 1552 год завоевали Казанское ханство. Ну как бы русские завоевали. Но там было много, среди завоевателей, наших вот татар. Мишари пришли и Казань подчинили себе. (И06МII-M2019-окт)

С Золотой Ордой связаны репрезентации сопричастности к высокой культуре, к развитому литературному языку, который был и «их» мишарским языком.

Важную роль в структуре исторической идентичности играют государственные деятели, ученые, просветители, поэты и писатели. Им посвящены школьные музеи, на уроках изучаются их произведения проводятся уроки и внеклассные мероприятия, посвященные их памяти. В Нижегородской области в селе Красная горка мы посетили школьный музей, посвященный уроженцу этого села, просветителю татарского народа Фаизхану Хусаинову (1823–1866 гг.), в селе Кикино Пензенской области школьный музей посвящен татарскому писателю и первому переводчику Корана на татарский язык Мусе Бигееву (1873–1949 гг.). В зоне мишарских говоров родился и вырос один из создателей современной татарской прозы и театра Шариф Камал (1884–1942 гг.), а также один их создателей татарской поэзии современного типа Хади Тахташ (1901–1931 гг.). Важно, что эти знаковые фигуры

татарской культуры и мысли одновременно принадлежат к общей татарской культуре, что обеспечивает основу создания общего татарского культурного и языкового пространства, но одновременно они являются представителями культуры татар-мишарей. Мишари помнят об их мишарском происхождении, и это создает основу для высокой оценки своей культуры и своего идиома.

Репрезентации, связанные с эвалюативным типом лояльности, а это, в первую очередь, престиж идиома, связанный с его культурным и историческим измерением, привязанность к нему и любовь, и в данном случае, в меньшей степени, его эстетические характеристики, создают базу для инструментальных типов лояльности, к которым мы предлагаем перейти.

4.2.2. Инструментальная лояльность первого (L-Inst1) и второго (L-Inst2) типов

В структуре инструментальной лояльности этих двух типов основной вопрос – это вопрос о языке повседневной коммуникации. Уточним, что мы ограничимся анализом эндогенной структуры лояльностей и связанными с ней репрезентациями, то есть представлениями татар-мишарей о своем идиоме и о других вариантах татарского языка. Вопросы, связанные с репрезентацией русского языка и, шире, с русско-татарской диглоссией, не рассматриваются.

Результаты исследования показывают, что в целом, во всех обследованных мишарских селах до настоящего времени татарский язык в его мишарском варианте остается основным средством общения во всех ситуациях обыденной коммуникации между этническими татарами. Инструментальная лояльность (L-Inst1) является активной и спонтанной. Если село этнически однородно (такие села сохраняются до настоящего времени), то татарский язык активно, спонтанно и естественно употребляется во всех ситуациях повседневной коммуникации (9).

(9)

СМ: *А язык передается к младшим поколениям?*

Р1: *Да, язык передается из поколения в поколение.*

СМ: *И большинство детей, которые здесь, они спонтанно говорят на татарском?*

Р1: *Да, спонтанно. Они, значит, дома общаются на татарском, на чистом татарском языке. С родителями, с родными.*

АВ: *И в школе между собой дети тоже говорят на татарском?*

Р1: *Да. Вот между собою они разговаривают на татарском языке у нас. На татарском языке общаемся, и учителя между собой, общаемся на татарском языке. (И03-МП-НН2018-окт)*

В районных центрах со смешанным населением и в селах, находящихся вблизи больших городов, которые фактически стали пригородами, татарский язык является языком преимущественно домашнего общения (L-Inst1). Тем не менее, он активно используется в общественных местах, если все

участники акта коммуникации являются татарами и знакомы друг с другом (L-Inst2).

Помимо уже отмеченных факторов, влияющих на сохранения языковой среды, немаловажную роль играет то, что специалисты (учителя школ, врачи, инженеры и др.), получившие высшее или среднее специальное образование, имеют возможность вернуться в после учебы в свое село (10).

(10)

СМ: *А учителя они тоже местные, уроженцы района?*

Р1: *Даже не района, вот у нас получается, что почти все наши учителя местные, коренные... Из нашего села. Я сам уроженец этого села, родился здесь, учился в этой школе, и продолжаю 39-ый год работать в этой школе. (И03-МП-НН2018-окт)*

Инструментальная лояльность первого и второго типов в границах мишарского идиома направлена на локальный вариант (11).

(11)

СМ: *А, вы, ваше поколение, хотели говорить на литературном татарском языке?*

Все: *[очень дружно]*

Р3: *Ну... На местном татарском диалекте. На местном диалекте!*

Р1: *Говорить-то, нет!.. На местном диалекте.*

Р3: *Ну нет.. Ни к чему было. Потому что бабушки нас не понимали. Смеялись над нами.. Если мы пытались на литературном языке сказать.*

Р2: *Да, если мы пытались как-то сказать.. Это было смешно в деревне. (И06-МП-М2019-окт)*

Что касается письменной инструментальной лояльности (L-Ins3), в настоящем она полностью и безусловно связана с литературной формой языка. Однако в частной переписке редко, но все же могут использоваться местные формы языка (12).

(12)

Р1: *Я вот помню писала. Меня просила бабушка. Прабабушка просила ... просила писать письма сыновьям в Москву. Я вот писала на мишарском и даже не задумывалась нисколько, что там какой-то татарский язык есть.*

Р2: *Ну сейчас уже редко письма пишут...*

Р3: *И сейчас на чистом татарском [литературном] стараются. (И03-ЖП-НН2018-окт)*

5. Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что репрезентации мишарского идиома тесно связаны со структурами этнической идентичности, где ведущую роль играют религиозный фактор и фактор осознания себя

автохтонным народом. В целом, с мишарским идиомом связаны положительные типы репрезентаций, он считается родным языком и продолжает активно использоваться в повседневной коммуникации в местах традиционного проживания татар-мишарей.

Основными экстралингвистическими факторами, влияющими на структуру репрезентаций мишарского идиома татарского языка и на структуру языковых лояльностей, являются компактный тип расселения (татарские деревни) вне Республики и сохранение религии и определенных традиционных форм жизни. Важное значение имеет активная поддержка связей с Республикой Татарстан, в частности в области культуры и образования. Также важную роль играют местные газеты на татарском языке и присутствие татарского языка как дисциплины в школах в местах компактного проживания татар. Преподавание татарского языка в школах способствует поддержанию единства татарского языкового континуума и обеспечивает понимание средних (казанских) диалектов носителями западных (мишарский) диалектов.

Следует отметить, что на структуру репрезентаций и аттитудов решающее влияние оказывает ситуация диглоссии. Татарский язык в мишарском континууме остается коммуникативно и функционально сильным языком, он является основным средством повседневной коммуникации в сельской местности, в районах традиционного проживания татар-мишарей. Значимой предстает проблема татарско-татаркой (литературный татарский/средний (казанский)/мишарский идиом) диглоссии, где репрезентации и лояльность к мишарскому идиому может варьироваться от его полного приятия и гордости при его использовании до случаев языковой неуверенности в ситуациях общения вне своих территории. Значимой также является проблема русско-татарской диглоссии, которую носители татарского языка ощущают как угрозу витальности языка и его межпоколенной передачи. Репрезентации, связанные с русско-татарской диглоссией, в мишарском континууме не анализировались в рамках этой статьи. Мы планируем посвятить этой проблеме отдельную публикацию.

Инструментальные лояльности первого и второго типа (семейное и анонимное повседневное общение) строго связаны с локальной формой языка. Среди символических форм лояльности важную роль играют эстетическая, аффективная и историческая. Прескриптивный тип лояльности не обсуждался в рамках статьи, но в материалах интервью она присутствует, в виде убежденности носителей идиома в необходимости использовать язык как в повседневной коммуникации, так и в символических целях. Важно, что в мишарском континууме литературный татарский язык полностью принимается и мишарский идиом воспринимается как часть татарского языка, которая используется в устной коммуникации. Эти данные говорят о интегративной динамике татарского языкового континуума Средней Волги и Присурья.

В заключение еще раз подчеркнем, что символическое измерение является важной составляющей любой языковой ситуации. Знание структуры

репрезентации языка позволит выстроить семантическую карту смыслов, связанных с тем или иным идиомом. Анализ структуры аттитюдов позволяет дать прогноз динамики языковой ситуации в векторах нормализации/субституции, социолингвистической конвергенции/дивергенции. Понимание природы и знание структур репрезентаций языка и языковых аттитюдов также необходимо для проведения адекватной языковой политики и реализации мер языкового планирования

Финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта № 050738-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Acknowledgements

This paper has been supported by the RUDN University Project Grant System, project No 050738-0-000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие. // Социологический журнал. №3. 2010. С. 5–20 [Bovina, Inna B. 2010. Teoriya sotsial'nykh predstavlenii: istoriya i sovremennoe razvitie (Social Representation Theory: History and Modern Development). *Sotsiologicheskii zhurnal* 3. 5–20. (In Russ.)]
- Леонтьев А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучение. М.: Смысл, 2009. [Leont'ev, Aleksey N. 2009. *Psikhologicheskie osnovy razvitiia rebenka i obuchenie* (Psychological basis of child development and training). Moscow: Smysl (In Russ.)].
- Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 2. С. 3–18. [Leont'ev, Dmitry A. 2016. *Poniatie motiva u A.N. Leont'eva i problema kachestva motivatsii* (The notion of motive in A.N. Leontief and the problem of the quality of motivation). *University Psychology Bulletin* 2. 3–18 (In Russ.)].
- Москвичёва С.А., Сафина Л.М. Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2018. Т. XIV. № 3. С. 275–299. [Moskvitcheva, Svetlana A. & Liliana M. Safina. 2018. Motivation to learn a language in a minority situation: The Tatar Language in Moscow's internal diaspora. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* XIV (3). 275–299. (In Russ.)].
- Шор Р.О. Язык и общество. Москва, URSS, 2009. [Šor, Rozaliya O. 2009. *Yazyk i obshchestvo* (Language and society). Moskva, URSS. (in Russ.)].
- Boyer, Henri. 2021. « *Languge et Société* ». *Dictionnaire de la Sociolinguistique*. Bordeaux : Édition de la maison des sciences de l'homme. 301–304.
- Calvet, Louis-Jean & Pierre Dumont (eds.). 1999. *L'enquête Sociologique*. Paris : L'Harmattan.
- Ciscar, Lorena R., David M. González & Pau L. Pérez. 2002. Lleialtats i actituds lingüístiques al País Valencia. *Noves SL. Revista de Sociolingüística* 1. <https://www.gencat.cat/llengua/noves/noves/hm02primavera/catalana/ciscar.pdf> (accessed 21 February 2023).
- Deci, Edward L. & Ryan M. Richard. 1985. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behaviour*. New-York: Plenum Press.

- Deci, Edward L. & Ryan M. Richard. 2002. *Handbook of Self-Determination Research*. Rochester, NY: University of Rochester Press.
- Francard, Michel (ed.). 1993. *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain. L'Insécurité Linguistique dans les Communautés Francophones Périphériques*. Louvain-la-Neuve : Presse Universitaire de Louvain.
- Garabato, Carmen Alén & Romain Colonna. (eds.). *Auto-odi. La "Haine de Soi" en Sociolinguistique*. Paris: L'Harmattan.
- Gueunier, Nocolé. 1997. Représentations linguistiques. In Marie-Louise Moreau (ed.), *Sociolinguistique. Les concepts de base*, 231–235. Hayen: Pierre Mardaga.
- Houbedine, Anne-Marie. 2015. De l'imaginaire linguistique à l'imaginaire culturel. *La linguistique* 51. 3–39.
- Jodelet, Denise. 1993. « Les représentations sociales : Regard sur la connaissances ordinaires ». *Le Courrier du CNRS (Dossier Scientifique Sciences Cognitives)* 79.
- Kontaktlinguistik. Contact Linguistics. Linguistique de contact*. 1996. Berlin. New York.
- Lafontaine, Dominique. 1997. Attitudes linguistiques. In Marie-Louise Moreau (ed.), *Sociolinguistique. Les concepts de base*, 56–60. Hayen: Pierre Mardaga.
- Maurer, Bruno & Pierre-Antoine Desrousseaux. 2013. *Représentations Sociales des Langues en Situation Multilingue. La méthode d'Analyse Combinée, Nouvel Outil d'Enquête*. Paris: Édition des archives contemporaines.
- Moscovici, Serge. 1992. *Communication Introductive à la Première Conférence Internationale sur des Représentations Sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé.
- Moscovici, Serge. 2003. Des représentation collectives aux représentations sociales. In Denise Jodelet (ed.), *Les représentations sociales*, 79–103. <https://doi.org/10.3917/puf.jodel.2003.01.0079>
- Moskvitcheva, Svetlana & Alain Viaut. 2021. The need for minority languages in Borderland conditions: Field research methodology. In Tatiana Agranat & Leyli Dodykhudoeva (eds.), *Strategies for knowledge elicitation. The experience of the Russian school of field linguistics*, 52–68. Cham : Springer.
- Moskvitcheva, Svetlana & Alain Viaut. (eds). 2023. *La Nomination des Variétés de Langues Minoritaires. Approche à partir de Cas en France et en Russie*. Bordeaux: Press Universitaire de Bordeaux (In print).
- Niculescu, Alexandre. 1996. *Loyauté linguistique*. In *Kontaktlinguistik. Contact Linguistics. Linguistique de Contact*. Berlin. New York. 715–720.
- Viaut, Alain. 2012. Marge linguistique territoriale et langues minoritaires. *Lengas Revue de Sociolinguistique* 71. 9–28. <https://journals.openedition.org/lengas/301> (accessed 19 August 2023).

Словари/Dictionaries

- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616-617. [Vinogradov, Vladimir A. Language situation. In Viktoriâ N. Ârceva (ed.), *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. 616–617. Moscow: Sovetskaâ ênciklopediâ. (In Russ.)].
- Boyer, Henri. 2021. Dictionnaire de la sociolinguistique. Bordeaux: Édition de la maison des sciences de l'homme, <https://www.cairn.info/revue-langage-et-societe-2021-HS1.htm> (accessed 01 March 2023).

Article history:

Received: 15 June 2023

Accepted: 10 September 2023

Bionotes:

Svetlana A. MOSKVITCHEVA holds a PhD in Philology. She is Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology at RUDN University, Director of the Research and Academic Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Faculty of Philology at RUDN University. Her research interests embrace sociolinguistics, cognitive linguistics, minority languages and languages in minority situations, language ideologies, symbolic dimension of the language situation, language representations, language loyalties, language need. She authored over 100 publications. She is Editor of the journal *Macrosociolinguistics and Minority Languages* (RUDN University, Moscow, Russia) and member of the editorial board of the *Diglossi@* series (Presses universitaires de Bordeaux).

e-mail: moskvitcheva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8047-7030>

Alain VIAUT holds a PhD in linguistics, HDR, is Director of Research, Emeritus of the French National Centre for Scientific Research (CNRS), UMR 5478 Iker. His research interests include sociolinguistics, minority languages, language standardization, sociolinguistic categorization, language and territory, language planning, and Occitan dialectology. He is the author of over 150 publications, including 9 monographs, articles, and book chapters, editor of 8 collective monographs. He is also a member of the editorial board of *Lengas – Revue de sociolinguistique* (Université Montpellier) and *Glossema* (Université de Oviedo, Espagne), and co-editor of the *Diglossi@* series (Presses universitaires de Bordeaux).

e-mail: alain.viaut@orange.fr

<https://orcid.org/0000-0001-6643-1856>

Radif R. ZAMALETDINOV is Professor of the Department of General Linguistics and Turkology, Institute of Philology and Intercultural Communication at Kazan (Volga Region) Federal University, Russia. His research interests cover cognitive linguistics, linguacultural studies, comparative linguistics, history of the Tatar and Russian languages, bilingualism, theory and methods of Tatar language teaching. He has authored over 250 publications, including 22 monographs and has 3 certificates of authorship. He is a member of the Presidium of the Russian Language Council under the President of the Russian Federation, Corresponding member of the Russian Academy of Education, Editor-in-chief of the journals *Philology and Culture* (Kazan Federal University) and the *Tatarica* (Kazan Federal University).

e-mail: director.ifmk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2692-1698>

Сведения об авторах:

Светлана Алексеевна МОСКВИЧЁВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания и кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, директор Научно-образовательного института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции филологического факультета РУДН. Область ее научных интересов включает социолингвистику, когнитивную лингвистику, миноритарные языки и языки в миноритарной ситуации, языковые идеологии, символическое измерение языковой ситуации, репрезентации языка, языковые лояльности, потребность в языке. Автор

более 100 публикаций. Редактор журнала *Macrosociolinguistics and Minority Languages* (Российский университет дружбы, Москва, Россия), а также член редакционной коллегии серии *Diglossi@* (Presses universitaire de Bordeaux).

e-mail: moskvitcheva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8047-7030>

Ален ВИО – доктор лингвистики, HDR, директор исследованиям (emeritus) Национального центра научных исследований (CNRS), UMR 5478 IKER. В сферу его научных интересов входят социолингвистика, миноритарные языки, стандартизация языка, социолингвистическая категоризация, язык и территория, языковое планирование, диалектология окситанского языка. Является автором более 150 научных публикаций, среди которых 9 монографий, статьи, научные доклады, главы монографий. Член редакционной коллегии научных журналов *Lengas – Revue de sociolinguistique* (Université Montpellier) и *Glossema* (Université de Oviedo, Espagne), а также сопредатор серии *Diglossi@* (Presses universitaire de Bordeaux).

e-mail: alain.viaut@orange.fr

<https://orcid.org/0000-0001-6643-1856>

Ради́ф Рифка́тович ЗАМАЛЕТДИНОВ – профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия. Его научные интересы включают когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, сопоставительное языкознание, историю и закономерности функционирования татарского и русского языков, билингвизм, теорию и методiku обучения татарскому языку. Является автором более 250 научных работ, в том числе 22 монографий и 3 авторских свидетельств. Член президиума Совета при Президенте РФ по русскому языку, член-корреспондент Российской академии образования, главный редактор журналов *Филология и культура* (*Philology and Culture*) (Казанский федеральный университет) и *Tatarica* (Казанский федеральный университет).

e-mail: director.ifmk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2692-1698>